

Летняя пора в мире людей по сравнению с палящим зноем Земель Демонов казалась освежающей и оживленной. Некоторые мелкие демоны, не выносившие знойной жары Земель Демонов, тайком пробирались в мир людей, чтобы переждать лето, и на такое поведение смотрели сквозь пальцы. Как в глазах расы демонов, так и в глазах расы людей, мелкие демоны не представляли никакой угрозы, и им позволялось отправляться куда угодно, если только это не были великие демоны.

До сих пор, помимо Сю Е, который был наслышан о многом в первой жизни, и Кун Ляня, обладавшего частью сюжетных знаний, никто не знал, что великий демон Лян Тань из Земель Демонов прогуливается по миру людей и даже якшается с Фан Динтин — нынешним горделивым сыном небес расы людей.

Путешествуя верхом на облаках, Кун Лянь и Сю Е увидели, как множество человеческих городов украшено разноцветными фонарями и охвачено шумным весельем. Спустившись вниз, чтобы расспросить местных жителей, они узнали, что сегодня в человеческом мире отмечается праздник Циси.

Седьмой день седьмого месяца, вечер дочерей, или праздник влюбленных — именно в этот день заключаются сердечные союзы.

Кун Лянь слегка улыбнулся и посмотрел на Сю Е, в чьем сердце тоже шевельнулись чувства:

— Похоже, мы прибыли как раз вовремя.

Взгляд Сю Е, неотрывно прикованный к Кун Ляню, заставил его сердце трепетно забиться. В душе мужчины впервые в жизни поднялась легкая застенчивость, а кончики ушей покраснели:

— Да...

Заметив, что тот смутился, Кун Лянь почувствовал легкий зуд в сердце и решил подразнить его:

— А ведь в тот день ты плакал?

Второй выход Внутреннего демона из-под контроля произошел пять дней назад. Тогда Кун Лянь лишь почувствовал, как Сю Е беззвучно плачет, уткнувшись ему в изгиб шеи. А когда он снова смог разглядеть лицо Сю Е, этот дорожащий своей гордостью и манерами повелитель Дворца Чунмин уже стер все следы, отводил глаза, не смея взглянуть на него, и выглядел так, будто готов был упасть в обморок от стыда.

Опасаясь нового бунта Внутреннего демона, Кун Лянь тогда не стал спрашивать, плакал тот на самом деле или нет. Но теперь, когда всё успокоилось и атмосфера была самой подходящей, грех было не расспросить обо всем.

Лицо Сю Е мгновенно залилось ярко-красной краской, от стыда запылали даже оба уха. Он

долго запинался, пытаясь выдать хоть слово, но так и не смог связать и предложения. Заметив, что улыбка в глазах Кун Ляня стала еще шире, он, помимо нахлынувшей радости, почувствовал еще больший стыд. Торопливо протянув руку, он ухватил Кун Ляня за запястье и, потянув за собой, опустил голову и зашагал вперед.

Второе желание: «Пусть те, о ком тоскует мое сердце, наконец станут супругами».

Хотя для Кун Ляня это было лишь попыткой, для Сю Е существовал лишь один исход — успех, и никаких поражений.

Он услышал чей-то голос в своей голове:

— Он — та самая сладость.

Будто тающий лед и возвращение весны в опустошенные земли, Кун Лянь, до этого сохранявший равнодушное выражение лица, внезапно улыбнулся — так ярко, словно весенний цветок, и ослепительно, подобно ночному цериусу.

Все вокруг словно поблекло и исчезло. Сердце Сю Е колотилось как безумное, а все его мысли, весь его мир сосредоточились лишь на этом человеке.

Кун Лянь медленно протянул руку и под пристальным, полным надежды и напряжения взглядом Сю Е крепко и решительно сжал его ладонь. В его прекрасных глазах отражался теплый небесный свет:

— Сю Е, теперь ты можешь меня поцеловать.

Эти слова лишили Сю Е всякой способности мыслить, его разум погрузился в абсолютную пустоту. Он тупо уставился перед собой, несколько мгновений соображая, прежде чем до него дошел смысл услышанного. Всепоглощающая радость заставила его отбросить любые мысли: инстинктивно растопырив пальцы, он вплел их между пальцами Кун Ляня, переплетая руки в замок. Подобно заблудившемуся в пустыне страннику, который тысячелетиями томился в ловушке и вдруг узрел надежду, он с иступленной жадностью и благоговением — под изумленные возгласы прохожих — припал к губам возлюбленного.

В этот миг в голове Сю Е осталась лишь одна-единственная мысль:

Этой жизни с меня достаточно, больше нет никаких сожалений.

*

Наступила ночь, и официальное открытие праздничных гурий Циси ознаменовалось тем, что улицы торгового квартала зажглись бесчисленными огнями, превратив темную ночную тьму в подобие белого дня. Мелкие торговцы с коромыслами, полными разнородных товаров, прибыли за несколько часов до начала. Стоя по обочинам дорог, они во весь голос зазывали

покупателей, проходивших мимо их лавок. Парочки юношей и девушек шли плечом к плечу, держа в руках бумажные фонарики или лакомства, во все глаза глядя по сторонам и то и дело переглядываясь так, что их щеки вспыхивали от застенчивости.

В этом мире совершенствующихся существовали и однополые партнеры по Дао. Путь культивации неизбежно полон одиночества, и обрести спутника, с которым у вас единые помыслы и устремления — уже великая удача, так зачем же обращать внимание на пол?

То же самое касалось как совершенствующихся, так и простых смертных — среди них тоже встречались те, кто связывал свои судьбы. Юноши с юношами и девушки с девушками, прогуливающиеся рука об руку посреди улицы в этот день, были привычным зрелищем. Вот только столь выдающихся внешне и по своему темпераменту людей, как Кун Лянь и Сю Е, среди них не наблюдалось, а потому они неизбежно привлекали к себе всеобщее внимание.

Двое мужчин незаурядной внешности и с утонченным нравом шли рука об руку, двигаясь друг за другом, а окружающие то и дело бросали на них полные любопытства или зависти взгляды.

Конечно, союзы между представителями разных рас были под запретом. Люди и демоны в этом мире обладали репродуктивной изоляцией, а потому полукровки еще ни разу не рождались на свет.

Оно и понятно: в конце концов, запретить подобное полностью было невозможно, ведь не зря говорят: «у высших властей есть своя политика, а у низов — свои контрмеры».

В конце концов, раз уж настал праздник Циси, самым оживленным местом несомненно являлся храм Свата. Бесчисленные влюбленные надеялись заключить узы брака именно в этот день, а главным божеством, которому полагалось поклоняться, был Старец в Лунном Дворце, ведающий человеческими узами.

Сю Е желал испросить табличку судьбы и повесить ее на Дерево Счастья. Даже зная, что вряд ли это принесет настоящий результат, он все равно хотел вымолить доброе предзнаменование, чтобы обрести душевное спокойствие.

Он прекрасно знал, что Кун Лянь не верит ни в богов, ни в Будду, но раз тот согласился пойти с ним внутрь, это означало, что в сердце его действительно есть место для него, и он искренне желает быть вместе.

Фактически, в тот самый момент, когда Кун Лянь, не раздумывая ни секунды, согласился войти с ним в храм Свата ради таблички судьбы, остатки тревоги и ощущения нереальности в душе Сю Е полностью рассеялись.

Он слышал, как Кун Лянь не выдержал и тихонько рассмеялся, а Сю Е зашагал еще быстрее.

Кун Лянь не удержался от смеха, и Сю Е прибавил шагу.

— Первое желание: «Пусть А-Лянь преуспеет в тяжелых тренировках».

Как он и говорил в тот день — если бы Кун Лянь не стало, он и сам не знал бы, что с ним случилось бы.

Что же до остального...

Третье желание: «И третье... Пусть мы будем вместе из поколения в поколение, во всех перерождениях никогда не разлучаясь».

Фактически, когда Кун Лянь, не раздумывая ни секунды, согласился войти с ним в храм Свата, остатки тревоги и ощущения нереальности в душе Сю Е полностью рассеялись.

Сю Е бережно и тщательно закрепил выпрошенную табличку судьбы на ветвях Дерева Счастья. Пронесшийся по двору летний ветер заставил густо висевшие таблички затрепетать и застучать друг о друге, издавая сухой треск. Сложив ладони вместе и закрыв глаза, Сю Е молча молился про себя.

Прижав сложенные кончики пальцев к самому лбу, Сю Е отвесил глубокий поклон Древу Счастья.

Внешне Кун Лянь оставался совершенно спокойным, наблюдая за тем, как Сю Е с благоговением совершает обряд. В этот миг ему показалось, что его собственный пульс участился.

*

Потеряв голову, отбросив всякие сомнения и поцеловав возлюбленного прямо на глазах у всех, Сю Е — у которого после содеянного проснулось невероятное стеснение и буря стыда — просидел весь вечер со спокойным лицом своего спутника, мечтавшего лишь посмеяться над ним, в снятой неподалеку от храма комнате постоянного двора. Только когда за окнами зажглись первые вечерние огни, он наконец высунулся наружу из своей закрытой раковины словно какой-то неотесанный парень и, крепко переплетя пальцы с рукой Кун Ляня, вышел на улицу.

В этот момент он не был повелителем Дворца Чунмин и не был прославленным великим демоном расы демонов — он был лишь молящимся человеком, чье заветное желание наконец исполнилось.

— А-Лянь согласился быть с ним!

Разве могло существовать что-то более важное и радостное?

Ничего подобного. Больше ничего не было.

Даже если завтра он станет новым Королем Демонов, даже если завтра он вознесется в Высшие Сферы — ничто из этого не шло ни в какое сравнение с тем фактом, что А-Лянь дал согласие быть с ним, и это не могло принести столько же радости.

Прежде заветной мечтой Сю Е было взойти на престол нового Короля Демонов и однажды вознестись на глазах у всех живых существ и самого Небесного Пути. Теперь же ничто не могло сравниться с человеком, шествующим рядом с ним. Кроме этого человека, никто и ничто во всем мире не стоило того, чтобы на это смотреть или о чем-то думать.

Кун Лянь был его единственной заветной целью в этой жизни.

Улицы пестрели толпами снующих туда-сюда людей. Стоило им отойти от постоянного двора на небольшое расстояние, как брови Сю Е нахмурились.

Причина была проста: вокруг толпилось слишком много народу, и им поневоле приходилось задевать прохожих. Сам-то он ладно, но вот А-Лянь... Он не желал, чтобы кто-то прикасался к его А-Ляню. Даже случайные прикосновения были недопустимы.

Подумав об этом, Сю Е огляделся по сторонам и, потянув Кун Ляня за собой, свернул в тихий безлюдный переулок.

Кун Лянь как раз разглядывал изящные и милые ручные фонарики у обочины дороги, гадая, какую пару лучше купить, как вдруг Сю Е утащил его в безлюдное место... Он признавал, что на мгновение его мысли свернули куда-то не туда.

Хм!

Но, подумав еще немного, Кун Лянь рассудил, что этот парень из-за простого поцелуя на людях прятался потом целое полугодие... тьфу, просидел весь день в комнате постоянного двора, сгорая от стыда. Обладая столь тонкой кожей на лице, он вряд ли решился бы на какие-то чересчур бурные глупости.

Шум толпы остался позади, за пределами пустынного переулочка. По мере продвижения вглубь извилистого переулочка освещение становилось все более тусклым, впрочем, для двух великих демонов темнота не представляла никаких помех.

Кун Лянь позволял вести себя за руку, не задавая лишних вопросов и не требуя остановиться.

Гвалт и суета постепенно затихли, и в глубине проулка раздавалось лишь эхо их шагов. Сю Е продолжал сжимать руку Кун Ляня, шагая вперед. Ему хотелось, чтобы у этого переулочка никогда не было конца — тогда он мог бы вечно держать А-Ляня за руку и больше никогда не бояться дня, когда они могут разлучиться.

А-Лянь уже пообещал быть с ним, но что, если однажды случится непредвиденное и их с А-Лянем разведет по разные стороны?

Сю Е не мог отделаться от подобных мыслей. Скорее уж это было не отсутствие уверенности, а стремление предусмотреть любые беды.

Он все еще помнил Короля Демонов, прорвавшегося сквозь печать в прошлой жизни — найдется ли много тех, кто сможет противостоять этой силе, способной разрушить небеса и сокрушить землю?

Хотя... нельзя исключать, что в нем действительно играла неуверенность.

Человеческие желания ненасытны: стоило получить одно, как тут же хотелось заполучить и другое, и этот порыв невозможно было ни сдержать, ни остановить.

По мере того как они шли, все отчетливее становились слышны людские голоса и журчание воды, и шаги Сю Е замедлились. Поколебавшись мгновение, он повернул голову и посмотрел на шествующего рядом Кун Ляня.

Даже во тьме его А-Лянь сиял ослепительной, потрясающей воображение красотой.

Сю Е внезапно спросил:

— А-Лянь, разве ты не хочешь спросить, зачем я привел тебя сюда?

Проведя весь день на постоялом дворе, помимо ожидания, пока кое-кто перестанет стыдиться, они успели выбрать друг для друга особые прозвища. Сю Е сбылась его мечта, и теперь он с полным удовлетворением звал Кун Ляня «А-Лянь», в то время как сам Кун Лянь продолжал называть Сю Е «А-Куан» — это уменьшительное имя казалось ему донельзя милым, и менять его нужды он не видел.

Оба остались чрезвычайно довольны своими нежными эксклюзивными прозвищами.

Услышав этот вопрос, Кун Лянь тихонько рассмеялся и охотно подыграл:

— А-Куан, и зачем же ты привел меня сюда?

Если бы не страх, что этот парень от стыда готов будет провалиться сквозь землю прямо на

месте, Кун Лянь непременно поинтересовался бы, не собрался ли тот творить здесь всякие непотребства.

Во тьме улыбка Кун Ляня казалась невероятно притягательной, тая в себе едва уловимую, колдовскую манящую нотку. Их взгляды встретились, воздух вокруг них постепенно сгустился, и сердца обоих наполнились сладким трепетом.

— Я...

Сю Е так нервничал, что его ладони слегка вспотели, но выпустить руку Кун Ляня он не решился бы ни за что на свете. Жар в груди подступил к самому горлу, кадык, полускрытый воротником одежды, судорожно дернулся пару раз, а дыхание стало частым и тяжелым.

Наконец его взгляд остановился на чуть изогнутых губах Кун Ляня. Ощущение сухости в горле усилилось, он подался вперед, и их дыхание постепенно смешалось воедино...

И в тот самый миг, когда они уже собирались завершить этот прекрасный момент, сверху послышался легкий шорох шагов, и чья-то фигура неожиданно рухнула прямо с неба.

Рефлексы Кун Ляня сработали мгновенно: резко дернув Сю Е назад, он в одно мгновение увеличил расстояние до незнакомца до безопасного, одновременно концентрируя в ладони разрушительную силу демонической ци. Стоило тому сделать хоть одно неверное движение, и он уничтожил бы наглеца на месте.

Сю Е, которого прервали на самом интересном месте, еще не до конца пришел в себя. Слегка прищурившись, он посмотрел на непрошеного гостя — в глубине его глаз бушевала свирепая злоба, готовая разорвать нарушителя спокойствия на тысячу кусков.

Но стоило ему разглядеть, кто именно перед ним стоит, как ярость вспыхнула с новой силой. Его алые глаза едва не изрыгали пламя, а сквозь стиснутые зубы он выдавил из горла два имени:

— Лян! Тань!

Клянусь, сегодня он убьет этого ублюдка!

<http://bllate.org/book/22067/2294636>